

A detailed illustration of a bride with dark, wavy hair and striking yellow eyes. She wears a white lace wedding dress and a matching veil. She holds a large bouquet of vibrant red roses. The background is a dark, atmospheric scene of a gothic-style building at night, with warm lights glowing from the windows and some red flowers in the foreground.

ЛЕА
РЕЙН

НА КРАЮ
БЕЗДНЫ

18+

Леа Рейн

На краю бездны

<https://litres.ru/73993968>

SelfPub; 2026

Аннотация

Испания, провинция Сантандер.

Жизнь Марии Сантьяго полна страданий, но однажды она встречает таинственного аристократа, который может помочь ей выбраться из ее персонального ада. Когда Мария понимает, что эта помощь оказана не просто так, становится слишком поздно. Кровавые секреты ее благодетеля всплывают один за другим, а для неё самой открывается губительная участь.

По мотивам сказки "Синяя борода"

* вампиры

* древний особняк и склеп, хранящий тайны

* готическая атмосфера

повесть

Содержание

Голос из-за каменной плиты	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Леа Рейн

На краю бездны

Что это — обещание покоя или насмешка над моими страданиями?

Мэри Шелли, «Франкенштейн»

ИСПАНИЯ, ПРОВИНЦИЯ САНТАНДЕР
1921 ГОД

Голос из-за каменной плиты

Мария Сантьяго сидела в сыром склепе и плакала, но не от скорби вовсе, ибо эти мертвецы были ей незнакомы — она плакала от боли и одиночества, от безысходности и безрадостности своей жизни.

«Он опять это сделал. Опять», — вертелось в ее голове, и слезы жгли глаза только сильнее.

Хосе — мужчина, с которым она перед ликом Господа связала свою жизнь, — ударил ее за то, что она опрокинула чашку с чаем.

Это было не в первый раз, и, Мария знала, — не в последний. Любое ее неосторожное слово, любое неловкое действие — и сильная большая рука бьет ее наотмашь, бьет с такой силой, что ноги не выдерживают, и она плашмя падает на пол.

В минуты отчаяния Мария убегала из особняка, а поскольку в окрестностях кроме скалистых склонов и бушующего моря ничего больше не было, она забиралась в склеп. Она не боялась. Наоборот — здесь ей становилось спокойно. Мертвые не могут причинить боль; боль причиняют только живые.

Мария сидела на крышке саркофага и неосознанно гладила каменную плиту. Пальцы нащупали резьбу — здесь было

что-то выгравировано. Мария посветила лампой, с которой всегда убегала из дома, чтобы в темноте не оступиться на острых скалах, и обнаружила табличку с гравировкой:

Эулохио Фелипе де Энтрерриос-и-Руйс

Кто такой, Мария не знала. Однако каждый раз, когда сюда приходила, падала именно на его саркофаг.

Они с мужем поселились в этом особняке совсем недавно. Вероятно, до них здесь жила какая-то дворянская семья, которая продала дом вместе со всем своим убранством и своими мертвецами. Род их, очевидно, был достаточно древний, потому что Эулохио Энтрерриос родился в 1704 году. Можно было только гадать, отчего эта родовитая семья решилась на продажу всего имущества. Марии логичной причиной казалась внезапная бедность, которая порой настигала даже самые богатые семьи.

— Древний, древний мужчина, — прошептала Мария, погладив крышку саркофага. Она испытывала какую-то странную щемящую нежность к лежавшему там мертвецу. — Наверняка слова «достоинство» и «сила» вы понимали иначе.

Мария стёрла со щеки слезу и тут же почувствовала жгучую боль от прикосновения. Наверное, после удара Хосе в этом месте налился синяк.

— Он думает, таскать меня за волосы и бить по лицу — это сила, — пуще прежнего разрыдалась Мария. — Я его

меньше в два раза, и если попытаюсь отбиться, то все равно с ним не справлюсь. За что он это делает? Я не знаю. Что бы я ни сделала, все оказывается не так. А как сделать все так? Кто-нибудь бы объяснил мне, как надо!

— Ты не виновата, Мария, — раздался неожиданный голос.

Решив исповедаться мертвецам, Мария не рассчитывала услышать ответа.

— Ты все делаешь так, — продолжил неизвестный. — Но даже если попытаешься что-то изменить, он не остановится. Ему не важно, что ты делаешь. Он создаст повод из пустоты.

Мария сидела бледная, как полотно. Она не шевелилась, будто если неподвижно застынет, то станет невидимой, и некто, с ней говорящий, ее не заметит.

— Не пугайся, — сказал голос. — Ты часто сюда приходишь и плачешь. Сегодня ты впервые заговорила о том, что происходит. Судя по всему, твой муж — сущий демон. Я лишь хотел помочь добрым словом. Доброе слово — все, что у меня есть.

Мария не могла понять, кто говорит. Голос был глухой, как будто действительно раздавался из-под крышки саркофага, но вместе с тем — приятный, бархатистый, тёплый. От каждого услышанного слова по спине бежали мурашки, а сердце в груди трепетало, как пойманная в банку бабочка.

— Кто вы?.. — едва слышно спросила она.

— Эулохио Фелипе Энтрерриос-и-Руис к вашим услугам!

— торжественно представился он. — Хотел бы я вежливо поцеловать твою прекрасную руку да, к несчастью, лишён подобной возможности. Я ведь просто мертвец в каменной коробке.

Мария соскользнула с саркофага и упала в пыль.

— Сиди, не стесняйся. Это нисколько меня не оскорбляет. Наоборот, приятно, что рядом находится красивая девушка.

— Я сошла с ума, — прошептала она, схватившись за голову.

Где-то с боку, под волосами, Мария нащупала засохшую кровь.

И откуда она там взялась?

Точно! Когда Хосе ее ударил, она упала и ударилась головой об угол тумбы.

Может, странный голос — следствие этой травмы?

— Ты не сошла с ума, и я тебе не мерещусь. Но если на то пошло, я думаю, нормальных людей вообще не бывает. У каждого есть свои тараканы, просто у кого-то их больше, у кого-то меньше.

Мария поползла к выходу, собирая юбкой платья вековую пыль.

— Куда ты?

— Это злая шутка? — спросила она дрожащим голосом.

— Не шутка.

— Все хотят свести меня со свету!

— Это не так, Мария. Ты можешь сейчас убежать, но за-

помни одну вещь: это не должно сойти ему с рук. Ты должна что-то делать, должна бороться. Ты добрая девушка и не заслуживаешь такого отношения. Ты заслуживаешь лучшего.

Мария уже поднялась и была в нескольких шагах от выхода, но голос слушала. Голос говорил верные вещи.

Следующим утром Мария сидела за туалетным столиком и глядела на себя в зеркало, обрамленное резной позолоченной оправой. Было неудобно: личная роскошная комната — они с Хосе редко спали вместе, — была обставлена мебелью, напоминающей произведения искусства, а Мария, побитая, нездорово-бледная и глубоко несчастная, была тут словно не к месту. Это был ужасающий контраст, потому что в таких покоях не живут настолько несчастные девушки.

Мария достала косметику и стала приводить себя в порядок. Полностью скрыть синяк ей не удалось, но он, по крайней мере, теперь уже не так сильно бросался в глаза. Ярко-красная помада делала акцент на губах и переманивала внимание на себя, а волна чёрных, как беззвездная ночь, коротких волос прикрывала покалеченную щеку. Легкое платье изумрудного цвета завершало образ, и Мария превращалась в блистательную аристократку. Внешний лоск, конечно, не делал ее счастливее, но приближал к тому, как должна выглядеть хозяйка богатого особняка.

Когда Мария спускалась в столовую по широкой, устланной мягким ковром лестнице, она словила жалостливые взгляды слуг. Конечно, они знали, что происходит — слуги вообще знают много больше, чем может показаться на первый взгляд, — но сделать ничего не могли. Впрочем, наверное, и не собирались вовсе: чего доброго, и сами получат по первое число.

С гордо поднятой головой Мария прошла через двери столовой и опустилась на бархатный стул. Хосе уже сидел во главе стола и листал утреннюю газету.

— Ты где ночью шлялась? — резко спросил он, не удостоив ее даже мимолетным взглядом.

— Гуляла, — глухо ответила Мария.

— С кем?

— Одна.

— И во сколько вернулась?

— Не знаю.

— Могла бы сообщить своему мужу, что вернулась домой, чтобы я не думал, будто тебя на улице кто-то убил.

— Вероятность того, что меня убьют дома, намного больше, — дерзнула она заявить.

И тут же пожалела о своих словах.

Хосе словно взбесился, отбросил газету, вскочил на ноги, схватил Марию за ворот так, что ткань красивого зеленого платья в агонии затрещала, и отвесил мощную оплеуху. Мария упала на пол и некоторое время боялась поднять взгляд.

Когда случалось что-то страшное, она отчего-то застывала каменным изваянием, словно если замрет, то это страшное не заметит ее, закончится, обойдет стороной.

— Идиотка, — сказал он. — Ты должна отчитываться передо мной о каждом своём гребаном действии. Я тебе тут не шутки шучу.

«Я тоже не шучу шутки...» — пронеслось в ее голове.

Глаза Марии жгло, словно кто-то выплеснул ей в лицо миску лимонного сока, но нет, это были всего лишь горькие слёзы обиды.

«Ты должна что-то делать, должна бороться», — советовал ей таинственный голос из-за могильной плиты.

И это было единственное, что она должна.

— Я не твоя вещь, — тихо сказала Мария.

— Ты моя жена, а значит, принадлежишь мне.

— Я принадлежу только самой себе.

— Себе ты принадлежала тогда, когда была в той дыре, из которой я тебя вытащил. Ты должна быть мне благодарна за то, что теперь живешь в этом доме, ешь мою еду и прилично одеваешься. Твоя жизнь была полным дерьмом, но благодаря мне она стала лучше. Взамен я прошу хотя бы каплю уважения. Это так для тебя сложно?

— Я тоже хочу уважения. Я бы уважала тебя, если бы ты делал то же по отношению ко мне!

— Разве я тебя не уважаю? Я трачу на тебя столько денег, покупаю красивые платья, дорогие украшения! Что тебе

ещё надо, сука ты неблагодарная?! А знаешь, мне это надоело. Мое терпение не резиновое. Давно пора было заняться твоим воспитанием, ведь каким отбросом ты была, таким и осталась. Вставай.

Одним движением он поставил ее на ноги и потащил куда-то по коридорам особняка.

— Ч... что? Что ты делаешь? Пусти меня! — сопротивлялась Мария, но как ни старалась, вырваться из его стальной хватки никак не могла.

Когда он волок ее, как куль с картошкой, через кухню, на дороге возникла одна из служанок, которая, увидев столь ужасающую картину, закрыла руками рот и спряталась за первым попавшимся поворотом. Мария не могла этого не заметить, поэтому бесконечное чувство одиночества захлестнуло ее с ног до головы. Никто не придёт ей на помощь, никто за неё не заступится, так она и сгинет в этом доме, никому ненужная и глубоко несчастная.

Хосе притащил Марию к чулану, где хранились ненужные вещи, и затолкнул ее внутрь. Мария упала, проехавшись ладонями по шершавому полу, и всадила в кожу несколько крупных заноз.

— Сиди тут и думай о своем поведении, — не без удовольствия сказал он, точно был кровожадным учителем, который придумал нерадивому ученику самое изощренное наказание и теперь предвкушал узнать, что в конце концов из этого выйдет.

— Хосе, пожалуйста! — Мария поползла к выходу, но Хосе уже захлопнул дверь и запер ее снаружи на щеколду. — Хосе! Неужели ты меня тут оставишь?! Хосе?..

Ответом на это ей были только удаляющиеся шаги, от звука которых внутри все сковало холодным ужасом, постепенно переходящим в бессильное отчаяние. Мария скатилась вниз, свернувшись перед дверью в клубочек, будто дворовая собачонка, и тихо заплакала.

Вся его злость, все его наказания были до ужаса утрированными. Возникло ощущение, что ему просто нравится делать ей больно и он ищет надуманный предлог — разлитый чай, «неподобающие» слова с ее стороны или что-то ещё. Может, так он ощущает какую-то силу, которой на самом деле не обладает, ведь разве это сила, когда унижают тех, кто не может дать сдачи?

— Ты не такая слабая, Мария, — услышала она знакомый голос, обладатель которого будто бы находился рядом, хотя на самом деле поблизости никого не было.

— Эулохио? — спросила она и даже оживилась.

Если она и спятила — пусть. Слушать тёплый бархатный голос было приятно. Так она чувствовала себя не такой одинокой.

— Да, — ответил он.

— Вы ведь призрак?

— Вроде того.

— Вы... как вы тут оказались?

— Проследил вчера за тобой и решил, что моя помощь точно не будет лишней.

— Чем вы можете мне помочь?

— Добрым словом. Хотел бы я сделать для тебя что-то большее, но, к сожалению, не могу.

— Я не выдержу этого. Наверное, я должна умереть. Если вы призрак, скажите: мир, в котором вы сейчас находитесь, лучше этого?

— Не скажу, — категорично ответил Эулохио. — Но скажу, что твой конец не должен быть таким. В твоих руках изменить то, что происходит.

— Как я это сделаю? Он... ненормальный. Я не знаю, как я это могу изменить.

— Он ненормальный, — подтвердил бесплотный голос. — Таких ненормальных не должно быть.

Мария слабо возразила:

— Но они все же есть.

— Как есть, так может и не быть.

— Что вы имеете в виду? — не поняла она.

— Ты говоришь, что должна умереть, но я не думаю, что он заслуживает жизни больше тебя. Умереть из вас двоих должен именно он.

— Но... вы же не хотите, чтобы я с ним что-то сделала?..

— А как иначе, Мария? Рано или поздно он тебя убьет. Может, не своими руками, доведет до самоубийства, но разве это не будет равносильно убийству?

— Я не думаю, что способна на такое... Я не смогу этого сделать.

— Ты находишься в такой ситуации, что либо ты, либо тебя. Подумай над этим. Хочешь ли ты иметь право на счастливую жизнь? Она вполне может у тебя быть, но за любое счастье нужно заплатить определенную цену. Именно тем счастьем и примечательно, что его так трудно достичь.

Пока Мария сидела взаперти, у неё было предостаточно времени, чтобы всерьёз поразмыслить над словами Эулохио. Она перебирала в мыслях различные способы избавления от Хосе — например, можно подсыпать яд в еду или напиток, «случайно» столкнуть его с лестницы, задушить подушкой во сне или напасть с ножом со спины, — и совершенно не представляла себя в роли убийцы. Убить человека, тем более мужа, пусть и дрянного, — страшно.

Хосе вернулся через несколько часов и отворил дверь.

— Чтобы вечером была у меня, — бросил он, даже не удосужившись проверить, в каком состоянии пребывает его ненаглядная супруга, столько времени просидевшая в тесном, душном чулане. Будто ничего не произошло, он зашагал прочь.

Мария выбралась в коридор и с ненавистью посмотрела вслед его удаляющейся фигуре. Разумеется, она поняла, для

чего он ждет ее вечером. Он называл это супружеским долгом. Вот только после всего случившегося она совсем не хотела его исполнять.

— Ему это будет неважно, — шептал ей на ухо Эулохио. — Он возьмёт тебя против воли. Ты должна быть готова. Ты должна защитить себя.

— Но как?

— Перво-наперво, не приходи в его спальню.

— Он притащит меня силой, — возразила Мария.

— Не притащит, если ты все продумаешь. Когда ты не появишься в его спальне, он придёт, чтобы узнать, в чем дело. Ты, конечно, попытаешься уладить все разговором, но, думается мне, это совсем не подействует. Он почти наверняка схватит тебя, чтобы уволочь за собой, но ты отобьёшься от него заранее подготовленными средствами защиты.

— Какими?

— Сейчас расскажу. Поскольку все это будет происходить в твоей комнате, у тебя будет огромное преимущество. Ты можешь забрать с кухни несколько ножей и спрятать их так, чтобы они не бросались в глаза и чтобы тебе их было легко достать. Ещё ты можешь поставить под рукой различную косметику, которая поможет защититься. Когда Хосе нападет, то ты, например, выплеснешь ему в лицо духи или пудру. Так он будет сбит с толку и ослеплен, благодаря чему ты легко нападаешь на него с ножом и победишь.

— А если он меня все же убьёт? Моим же ножом...

— Не убьёт, но только если ты будешь действовать быстро. Он не ожидает от тебя отпора, так что при тебе эффект неожиданности.

Мария сделала так, как советовал ей бестелесный собеседник. Она сходила на кухню, завернула в полотенце два ножа и поднялась с ними к себе в комнату. Первый нож спрятала под газету на своем туалетном столике, а второй между матрасом и спинкой кровати на случай, если он захочет взять ее силой здесь. После она открыла все свои флакончики с духами и расставила их по периметру комнаты.

Когда наступил вечер, Мария оделась в удобную пижаму, которая не сковывала движений, села за туалетный столик и стала ждать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.